

ЕЛЕНА ИВАНЕНКО,

кандидат философских наук, научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Село, крестьяне и аграрная реформа: украинский вариант

Abstract

The article concerns agrarian reform (its final stage) as a component of the transformational processes, taking place in Ukraine, as well as a tool for intervention of the social technologist/social engineer (legislative/executive power) in agricultural production and activity of village and villagers.

The nature of this reform and its destructive character are exemplified in results of different sociological surveys of the rural population of Ukraine. Besides, one cannot but mention numerous moral and psychological problems caused by unemployment, non-payment of wage, impoverishment of peasants, extinction of village, and other negative aspects of the mentioned above transformations.

Аграрная реформа в Украине является средством целенаправленного, хотя и не всегда взвешенного, вмешательства власти в сельскохозяйственное производство, а через него — в жизнедеятельность села и крестьянина.

Стратегической целью аграрной реформы является реорганизация агропромышленного комплекса путем перевода системы коллективного землевладения и земледелия, сложившихся в бывших СССР и УССР, на рельсы частнособственнического землевладения и рыночной экономики. Реформа предполагает формирование землевладельца и сельхозпроизводителя нового типа, повышение эффективности производства, утверждение новых земельных отношений, подведение современной технико-технологической и научной базы под многоотраслевую производственную сферу села.

Официально признано, что агрореформа проведена согласно ее концепции и плану и в основном завершена, и теперь производителям и собственникам остается лишь научиться эффективно вести хозяйство в условиях рынка. Однако результаты и ход реформы, за которую крестьянству пришлось заплатить очень высокую социальную цену, в обществе оцениваются неоднозначно. Третий, якобы завершающий (2001–2005) этап, предпола-

гавший создание земельного рынка как механизма реализации прав собственника на куплю-продажу земли; осуществление мер по совершенствованию земельных, производственных отношений и новообразованных организационно-хозяйственных структур, налаживание их отношений с государством, банками, поставщиками, сервисным сектором, органами местной власти и т.п., в действительности остался незавершенным, поскольку рынок земель сельскохозяйственного назначения не создан, значительная часть крестьян-пайщиков не получили государственных актов на право собственности, отношения “город–село”, “кредиторы–производители”, “перерабатывающая промышленность–производители продукции” должным образом не урегулированы. К тому же реформа прошла с ощутимыми потерями и разрушениями, что до сих пор отражается на селе в виде сложных социальных проблем, безработицы, бедности, депопуляции, развала инфраструктуры и т.п., то есть во многом оказалась неэффективной, а то и нецелесообразной. В чем заключались социальные причины неэффективности реформы, каковы ее результаты и последствия, уровень несоответствия преобразований интересам и ожиданиям разных групп сельхозпроизводителей?

Заметим, что термин “аграрная реформа” употребляется здесь не в узко сельскохозяйственном, агрономическом смысле, а как обобщенное социальное понятие, фиксирующее комплекс целенаправленных и спонтанно обусловленных изменений в разных системах отношений на селе: экономических, организационных, технологических, социальных, культурно-психологических, бытовых и др. Безусловно, определяющими в этом комплексе являются изменения во владении землей и имуществом, в распределении произведенного, его присвоении и потреблении. Идеология реформы базируется на исходном тезисе, согласно которому именно частная собственность на землю, имущество и результаты труда должна обеспечить появление у нового собственника более мощной мотивации к лучшей организации производства, а у нового работника — к продуктивной работе, что и призвано сделать агропроизводственную отрасль экономики конкурентоспособной как на отечественном, так и на мировом рынке.

В ракурсе такой социологической диагностики группа сотрудников Института социологии Национальной академии наук Украины изучала аграрную реформу в течение 2004–2005 годов¹. Исследователи использовали ме-

¹ Исследование проводилось в рамках научного проекта ИС НАН Украины “Социологическая диагностика аграрной реформы в Украине” (руководитель проекта — В.Тарасенко, при участии сотрудников Института социологии Е.Иваненко и Н.Сакады). Выборка формировалась по трем ступеням, исходя из распределения сельского населения в целом по Украине и отдельно по регионам на основании данных переписи 2001 года. Было отобрано 14 наиболее типичных областей, представляющих 4 региона страны (Юг–Восток, Центр, Север, Запад) и поселенческую сеть, характерную для каждого из этих регионов. Далее сельские поселения отбирались по следующей схеме: крупное село (мега село), большое село, среднее село, небольшое село, хутор. Не учитывались АР Крым из-за специфики региона и обстоятельств на тот момент (разгар выяснения отношений, связанных с захватом земель) и Закарпатская область (из-за ограниченности земель, дробности наделов и хозяйств). Всего было отобрано 70 сельских поселений и опрошено 1322 жителя (апрель–май 2005 года). В каждом из четырех регионов проведен равномерный отбор респондентов. В рамках данного исследования также было опрошено 380 фермеров (февраль–март 2005 года), пропорционально представляющих названные регионы.

тодологию социотехнологического подхода в социологии, традицию изучения крестьянства, а также оценки реформы, ее результатов и последствий в первую очередь самим крестьянством, то есть тем социальным классом, над которым проводился реформаторский опыт.

Целью исследования была диагностика социотехнологии и социоинженерии, изучение хода, результатов, последствий и значения (социальной цены) аграрной реформы на ее завершающем этапе, общая оценка ее как особой формы социальной эксперименталистики на селе¹.

Социологическая диагностика предполагает наличие двух объектов — идеального и реального. То есть аграрную реформу следует рассматривать сквозь призму ее “идеального типа”, но диагностировать ее именно как реальный объект. К тому же аграрная реформа — такой объект, который в социотехнологическом и социоинженерном плане в Украине еще не изучался социологами. Поэтому исследователям приходилось опираться на метод аналитического теоретизирования, что позволило обосновать “идеальный тип” реформы и выявить ее основные социотехнологические параметры. Иными словами, этот метод помог “обрисовать” аграрную реформу как идеальный объект-эталон, под который можно было бы подвести значения ее реальных характеристик.

Теоретико-методологической базой исследования послужило сочетание парадигм изучения крестьянства и социотехнологической. Первая разрабатывается такими дисциплинами, как социология села и аграрная социология, вторая основана на социотехнологическом (социоинженерном) подходе в социологии, который с 80-х годов прошлого века постепенно прокладывает себе путь в исследовательской практике.

Эти два парадигмальных направления всесторонне освещены в предыдущем исследовании и описаны в монографии “Аграрная реформа в Украине (социотехнологическая диагностика)” [1].

Исходные теоретико-методологические принципы формирования социотехнологического образа (“идеального типа”) аграрной реформы вытекают из обобщенного мирового опыта реформаторской практики (длительных и широкомасштабных реформ, плановых и спонтанных, удачных и неудачных и т.п.). Это, в частности, различия между социальной реформой и социальной революцией, обоснованные в философии; представления о том, что аграрная реформа является особой формой социальной эксперименталистики и должна осуществляться именно по технологии реформы; принципы оптимальности, демократизма, гуманности и справедливости, которым должна соответствовать реформа, осуществляемая в обществе, декларирующем такие ценности.

Разумеется, под такой “идеальный тип” должны были подводиться сама аграрная реформа и реформаторская деятельность социального технолога, но не непосредственно, а через комплекс социотехнологических требований к реформе как особого типа широкомасштабному преобразованию, сформулированных в виде совокупности конкретных дифференцированных характеристик, составляющих содержание “идеального образа” реформы. Этот

¹ Социологическое исследование аграрной реформы проводится уже второй раз по той же программе, что и в первый раз, когда изучался начальный этап реформы (см.: [1]).

перечень содержит десять “идеальных” характеристик реформы как показателей ее оптимальности. Реформа считается технологически взвешенной, если она: 1) обеспечена научно обоснованными концепцией, программой и апробационным сценарием и является ответом на настоятельную потребность общества в изменении того или иного социального института, системы, процесса, явления; 2) является социально легитимной (принятой массами, которые ожидают от нее определенной пользы); 3) не противоречит коренным интересам и имманентной природе объекта, подлежащего реформированию; 4) является юридически легитимной, то есть опирается на правовые основы, механизмы защиты, контроля и ответственности; 5) имеет оптимальные сроки внедрения; 6) материально обеспечена (ресурсами, финансами, кадрами); 7) реализуется при помощи адекватного механизма внедрения (организационно-управленческих структур, хорошо владеющих не только узко специальными, но и социальными технологиями широкомасштабных общественных преобразований); 8) является результативной; 9) отличается социально приемлемой ценой; 10) является социально справедливой.

По этим показателям аграрная реформа и диагностировалась в двух указанных исследованиях. В первом проверялись преимущественно 1, 3, 4, 6 и 7 показатели (то есть проект агрореформы, ее обеспеченность, стратегическая цель и т.п.), во втором — 2, 5, 8–10 показатели. В связи с этим в инструментарий второго исследования были внесены необходимые изменения и дополнения, учитывая то, что это был ее завершающий этап.

Нужно было избежать ошибок и однобокости в диагностировании реформы, а также позаботиться о надежности ее диагноза. Предполагалось сравнение полученных в исследовании оценок реформы с ее оценками разными субъектами (например, прессой) или с полученными благодаря применению других исследовательских методов (в частности, метода экспертного и фокус-группового опросов).

Если обратиться к оценке аграрной реформы в прессе с целью выявления доминирующей в оценках тенденции (в сторону позитива или негатива) и общей картины реформы на основе этих оценок, а также к программным материалам и документам, то увидим, что отношение к аграрной реформе в обществе весьма неоднозначно и противоречиво. Поскольку она в различной степени затронула интересы разных социальных групп и слоев, понимание ее разнится. С началом радикализации аграрной реформы (конец 1994 года) ее оценки в прессе были проникнуты ощущением тревоги и неуверенности относительно того, куда приведет аграрная политика государства, как дальше работать крестьянам, какой будет участь коллективных хозяйств, земли, села. Тогдашний премьер-министр Украины Е.Марчук на Всеукраинском совещании по вопросам агропромышленной политики (декабрь 1995 года) даже выступил с докладом с вопросительного-объяснительным названием “Как крестьянам дальше вести хозяйство” [2].

В этом докладе он привел данные, отражавшие тогдашнюю социально-экономическую ситуацию, сложившуюся в АПК страны в результате реформы, в частности ее резкой радикализации, когда сразу же обнаружилось именно деструктивное начало преобразований. Однако премьер в своем докладе ничего не сказал о радикализации реформы и ее деструктивных проявлениях, он просто констатировал факты. Так, на тот момент в коллективную и частную собственность сельскохозяйственным товаропроизводителям бы-

ло передано почти 32 млн га земельных угодий, разгосударствлено 30% совхозов, около 40% предприятий перерабатывающей и пищевой промышленности, распайовано 7,5 тыс. колхозов (78%), создано более 34 тыс. фермерских хозяйств. “Однако осуществляемое реформирование, — подчеркивал докладчик, — пока не сопровождается позитивными изменениями в экономической и социальной сферах сельского хозяйства и АП в целом. Кризисная ситуация в аграрном секторе продолжала углубляться и в этом году” [2].

Начиная с 1991 года, продолжал Марчук, происходил резкий спад объемов производства. В 1994 году объем валовой сельскохозяйственной продукции сократился на 32% по сравнению с 1990-м. Производство зерна уменьшилось на 30%, подсолнечника — на 39%, сахарной свеклы — на 36%, овощей — на 23%, плодов, ягод и винограда — наполовину, картофеля — в 2,5 раза, мяса — на 39%, молока — на 25%, яиц — на 38%.

Сокращался производственный потенциал агропромышленного комплекса. Сельхозпредприятия более чем вдвое снизили темпы обновления основных фондов (с 10% в 1990 году до 4,6% в 1994-м). В результате банкротства прекратили работу крупные животноводческие комплексы по производству мяса, яиц на промышленной основе, которые в свое время были образцом эффективности производства.

Очень ощутимо уменьшились объемы работ по повышению плодородия почв и мелиорации земель. В 1995 году внесение активных веществ, минеральных удобрений и пестицидов на один гектар площади по сравнению с 1990 годом снизилось почти в 4 раза, органических удобрений — вдвое. В 7 раз уменьшились объемы мелиорации по сравнению с 1990 годом.

В животноводстве происходило резкое уменьшение поголовья всех видов скота и птицы. За последние пять лет во всех категориях хозяйств поголовье крупного рогатого скота сократилось почти на 7 млн голов (28%), коров — более чем на 800 тыс. (10%), свиней — на 6,7 млн (34%), овец — более чем на 4 млн (51%), птицы — на 92 млн (38%). Правда, за это время частный сектор нарастил численность крупного рогатого скота на 400 тыс. голов, а коров и свиней — на 700 тыс., благодаря чему удалось несколько компенсировать спад производства продуктов животноводства. Однако, заметим, частный сектор все равно не уравновешивал падения.

Крайне обострилось финансовое состояние сельскохозяйственных товаропроизводителей, поскольку экономический кризис, к которому подталкивала АПК реформа, нанес им весьма ощутимый удар. Нехватка собственных средств в результате нарушения паритета цен привела к резкому сокращению потребления важнейших ресурсов производственного назначения — нефтепродуктов, удобрений, средств защиты растений, запасных частей, комбикормов, техники. В итоге сократились объемы производства и реализации продукции, снизилась прибыльность отрасли, резко подскочили долги. Только за один 1995 год (по состоянию на 1 октября) задолженность сельскохозяйственных предприятий по всем видам платежей увеличилась в 3,5 раза, а показатель неплатежеспособности — в 8,8. И если 1994 год с убытками закончили 808 хозяйств (из общего количества более 12 тыс.), то 1995 год — каждое четвертое.

Кроме того, на фоне падения производства, снижения качества жизни, обнищания сельского населения обострилась демографическая ситуация вследствие почти повсеместного превышения смертности над рождаемос-

тью. Более ста сельских районов, на которые приходилась четверть сельскохозяйственных угодий, стали зоной демографического кризиса. Такими оказались результаты курса реформы уже через год после начала ее радикализации.

Однако инициаторы реформирования не только не попытались остановить реформы и проанализировать ход преобразований, их результаты и последствия, а наоборот, значительно усилили и ускорили в том же разрушительном ключе вопреки Закону Украины “О приоритетности социального развития села и агропромышленного комплекса в народном хозяйстве Украины” (1990), а также последующими (1992 года) изменениями и дополнениями к нему [см. : 3]. И “старый”, и “новый” законы были направлены, безусловно, на развитие села, а не на его разрушение. Но они были практически полностью проигнорированы представителями исполнительных органов, несмотря на настоятельную потребность в важных коррективах экономического курса, который не учитывал ни интересов крестьян, ни потребностей АПК. Кстати, тот же премьер Е.Марчук первый среди высших должностных лиц на Всеукраинском совещании экономистов в сентябре 1995 года высказал мнение о необходимости корректировки реформаторского курса Президента Л.Кучмы и предложил концепцию антикризисной программы с социальными приоритетами.

Впрочем, такого рода предложения, опиравшиеся на другие оценки реформ (и не только премьера Марчука), не принимали во внимание, а выполняли указы Президента и программу Кабинета Министров Украины.

Все обозначенные в них задачи имели результатами разрушение коллективных хозяйств действиями самих крестьян, выходявших из колхозов. На первых порах таковых оказалось не слишком много. Действительно, крестьяне не решились на массовое разрушение своих хозяйств, пока их не заставил это сделать президентский Указ от 3 декабря 1999 года “О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики”, названный сторонниками реформ “революционным”, “историческим”, “судьбоносным” и т.п.

Пресса зафиксировала типичные прямые и косвенные оценки агрореформы и ее результатов, сделанные в ходе осуществления кардинальных преобразований в течение 1995–2005 годов разными субъектами социальной иерархии “сверху” “донизу” (начиная с верховного реформатора и заканчивая рядовыми крестьянами). Во всем их разнообразии можно выделить три группы оценок: позитивные, негативные и нейтральные. Доминирует группа негативных оценок. Что касается позитивных оценок, то им присуща некоторая динамика — вспышка в начале радикализации реформ (1994–1995) и затем постепенный спад почти до нуля. В те годы, кстати, СМИ предприняли мощное пропагандистское наступление на село, пропагандируя реформу как огромное благо для крестьянина и общества. Тогда журналисты напали на колхозы и совхозы, неистово критиковали председателей колхозов и директоров как “советских помещиков”, “красных баронов”, обвиняли “сельских несунув”, нарекали на губительность коллективизма крестьян, их “раскрестьянивания”, “ничейность” коллективной собственности, бесхозяйственность, низкую производительность труда и т.д. В противовес этому доказывалась необходимость радикальной реформы, восхвалялись фермерство, частная собственность на землю (“вечная мечта крестьянина”), частная инициа-

тива, богатство, высокая эффективность сельского хозяйства на Западе и пр. Одним словом, это был массированный идеологический удар по колхозно-совхозной системе и коллективистскому крестьянину и одновременное “промывание мозгов” для позитивного восприятия агрореформы. Однако как только стало заметно, что реформа “пошла” и что она все разрушает, несет в село массовую безработицу, обнищание и вымирание и криминализирует сельский быт, а землю все чаще вовлекает в сферу оборота теневого капитала, оставляя крестьян фактически без средств к существованию, пропагандистский запал прессы начал спадать и в итоге погас.

В ходе осуществления реформа обнаруживала все больше “минусов” и свой антикрестьянский экстремизм. Не оправдались надежды на формирование “эффективного собственника”, поскольку реформа не обеспечила подъема массовой частной инициативы, сузив для нее социально-экономическое пространство, так как основной контингент трудоспособных крестьян оказался в роли либо наемных работников, либо безработных. Поэтому инициативу проявили не столько крестьяне, сколько разного рода ловкачи, дельцы, посредники, “теневики”, а также некоторые руководители и специалисты.

Сегодня вряд ли кто-то отважится дать аграрной реформе и ее результатам и последствиям полностью позитивную оценку. Трудно дать даже нейтральную оценку, а если кто-то из специалистов, аграрных руководителей или высшего руководства государства и пытается это сделать на основании объективных цифр, от него обязательно требуют комментариев или объяснений. Чаще всего нейтральная оценка выглядит как формула “есть успехи, есть и просчеты”, а чего именно больше — “успехов или просчетов”, не уточняют.

С оценками реформы связан вопрос о ее сторонниках и противниках. Этот вопрос довольно сложный, прежде всего потому, что не всегда существует однозначная связь между высказанной оценкой реформы и действительной позицией оценивающего как приверженца или противника реформы. К тому же эта связь имеет свою динамику, когда сторонники и противники реформы, как говорится, меняются местами: первые становятся противниками, вторые — сторонниками.

С этой проблемой столкнулись, в частности, исследователи процесса реорганизации коллективных сельскохозяйственных предприятий (КСП), которые в течение 1996, 1998, 1999–2000 годов проводили социально-экономический мониторинг (Проект приватизации земли и реорганизации КСП в Украине, осуществлявшийся Международной финансовой корпорацией по приглашению правительства Украины), предварительный анализ результатов которого изложен в монографии “Социальные проблемы реорганизации коллективных сельскохозяйственных предприятий”. “Поскольку до 2000 года земельная реформа внедрялась чрезвычайно медленными темпами, — отмечается в ней, — то крестьян, которые были бы удовлетворены темпами и глубиной преобразований, практически не было. В эти годы сторонниками реформ следует считать не только тех респондентов, которые воспринимали реформы как ненужные вообще, но и тех, кто в условиях и без того вялых преобразований считал, что с реформой не следует торопиться. В 2000 году ситуация резко изменилась в результате массовой ускоренной реорганизации практически всех КСП в Украине. Теперь уже указанная часть респондентов была неудовлетворена слишком быстрыми темпами реорганизации КСП. Поэтому крестьян, высказавших в этом году мнение,

что с реформами не следует торопиться, нельзя однозначно считать противниками реформы” [4, с.17].

Заметим, что из оценки респондентом реформы однозначно и автоматически не следует его реальная позиция, поэтому исследователь не может судить об этой позиции только на основе оценки. Чтобы выйти из этой противоречивой ситуации, нужно задавать вопросы о поддержке/неподдержке реформы, реорганизации КСП, внедрении рынка и т.п., и тогда можно надеяться, что высказанная оценка более или менее соответствует действительной позиции респондента, благодаря чему может точнее проявиться тенденция к увеличению или уменьшению количества сторонников и противников реформы. Примером этого может быть одна из таблиц, приведенная в вышеупомянутой монографии [4, с. 21].

Таблица 1

Уровень поддержки крестьянами реорганизации КСП в Украине, 1999–2000, %

<i>Варианты ответов</i>	1999 N = 1600	2000 N = 1600
Поддерживаю	36,0*	22,3*
Не поддерживаю	23,0	25,1
Еще не определился	20,2*	31,2*
Трудно сказать	20,8	21,4
Всего	100,0	100,0

* Различия значимы на уровне 0,05.

Приведенная таблица зафиксировала уменьшение количества сторонников реформирования КСП и увеличение численности неопределившихся. Таким образом, можно с уверенностью утверждать о начале снижения уровня поддержки этого процесса.

Радикализация аграрной реформы означала, кроме прочего, опору на “админресурс” и осуществление ее в традициях “шоковой терапии”. Пораженные (“шокированные”) крестьяне сразу забеспокоились, зашумели, а специалисты и руководители сначала растерялись, а потом объединились в три группы: одни поддержали Президента Кучму и бросились реформировать, чтобы не проиграть и себе что-нибудь урвать, другие оказали сопротивление (нередко молчаливое), третьи растерялись, не зная, что делать. Однако за таким поведением специалистов скрывалось противостояние политических сил и противоположных социальных групп агропроизводителей (одни — за коллективистский, другие — за индивидуалистский способ земледелия). Возникла ситуация, когда казалось, что советская система хозяйствования на селе уже полностью исчерпала себя, и для создания принципиально новой системы нужно маневрировать между разными социально-политическими силами и группами. Именно такую ситуацию и отражают первые оценки аграрной реформы.

Напомним, что это было время, когда над сельским хозяйством Украины уже пронесся реформаторский ураган, разрушив целые его отрасли (птицеводство, овцеводство, выращивание хмеля и др.) и отбросив аграрный сектор — базовый сектор экономики государства — на несколько деся-

тилетий назад. За этот период (а если взять и предыдущий, “кравчуковский”, этап реформы, то в целом за 6 лет) произошел спад производства зерна, сахарной свеклы, молока, мяса, яиц, шерсти, что свидетельствовало о силе удара по сельскому хозяйству и уровне его потрясений. Переход от фазы падения к фазе стабилизации и роста производства, на ожидание которой настраивали население, все медлил, а деструктивные и нисходящие процессы усиливались. И если на шестом году реформирования 86% КСП стали банкротами или приблизились к этому рубежу, то данный факт означал, что определенная цель достигнута — тотальная (экономическая, политическая, моральная, социальная) дискредитация свершилась, крупнотоварные коллективные хозяйства максимально ослаблены и загнаны в тупик. После этого оставалось сделать последний шаг — демонтировать эти хозяйства, раздробить их, что придало бы им иной социально-экономический характер. Тогда же Л.Кучма резко среагировал на предложения относительно корректировки реформ, подчеркнув: “Пора уже понять бесперспективность для страны бесконечных постановок вопроса о целесообразности курса на реформы. Он правильный и будет соблюдаться” [5].

Впрочем, общие результаты и последствия реформ заставили его внести коррективы если не в сами реформы, то хотя бы в их оценки. Речь идет о том, что после “переломного” 2000 года корректировалась концепция стратегии экономического и социального развития Украины. Это должна была стать концепция, основанная на таких ключевых социально-политических установках, как укрепление независимости и суверенитета Украины, построение демократического правового государства, обеспечение социальных приоритетов, европейский выбор, приверженность общечеловеческим ценностям наряду с принципами либерализма. Но эта концепция предусматривала на начальной стадии разрушение и, так сказать, опускание на дно, которое должно предшествовать стабилизации и в итоге движению вверх.

В конце XX века аграрный сектор, как и вся экономика Украины, собственно и находился на “дне”, и Украина занимала место в периферийной зоне мирового развития. Глобальный финансовый кризис 1997–1998 годов, безусловно, ударил и по Украине, но, несмотря на все, в 1999 году наметился определенный рост некоторых показателей, а в 2000 году вообще произошел прыжок. Как заявил Л.Кучма участникам заседания Национального Совета по согласованию деятельности общегосударственных и региональных органов и местного самоуправления 27 июня 2000 года, ВВП вырос более чем на 5%, объем производства в промышленности — на 12–13%, в сельском хозяйстве — на 2,3% [6].

Понятно, что эти цифры мизерные и почти пустые, поскольку получены в сопоставлении с минимальным уровнем скатившегося глубоко в пропасть производства, тем не менее они указывали на определенные экономические позитивы реформы, хотя ничего не говорили о социальных. Как оказалось, реализация “правильного курса” не только ликвидировала колхозы, но и разрушила социальную сферу села, которая на них держалась, проигнорировала интересы крестьянина как человека и трансформировала его как субъекта хозяйствования. Конструкторам и стратегам этого курса пришлось в конце концов признать формулу реформ, с точки зрения их социального аспекта, не просто ошибочной, а деструктивной, о чем на научной конференции “Украина на пороге XXI века: уроки реформ и стратегия развития” (2001) так и заявил Л.Кучма [7, с. 11].

Итак, у рядового гражданина отобрали все — бесплатное образование, здравоохранение, жилье, отдых, гарантированное право на труд и т.д. Все эти услуги стали платными, однако люди не только не получили соответствующей заработной платы, чтобы все это оплачивать, но и вообще перестали регулярно получать хоть какую-то зарплату. Все это означало скорее не радикализацию, а варваризацию реформы.

Практика длительных задержек с выплатой заработной платы началась еще с 1995 года. В 1999-м, например, самые большие задолженности превышали три месяца. Граждан Украины спасал бартер, базар, “теневая” экономика, натурвыплаты, свои огороды и т.п. А если взять КСП, то во многих из них денежную заработную плату не выплачивали годами, и в некоторых газетах можно было прочесть удивление по поводу того, что кто-то из крестьян новых денег (гривен) до сих пор в руках не держал. При реорганизации КСП долги по заработной плате были выплачены далеко не всем работникам. Наш опрос крестьян дал следующие результаты по этому вопросу: “долги хозяйство не выплатило, но понемногу выплачивает” — 19,3%; “еще ничего из долгов мне не выплачивали” — 15,1%; “с вопросом о выплате старых долгов по зарплате не обращался” — 5,1%.

Заметим, что “традиция” несвоевременной выплаты заработной платы в Украине не прерывается и кое-где практикуется до сих пор. Так, в конце 2005 года долги по зарплате экономически активных предприятий возросли в 16 регионах страны. В частности, в Севастополе они увеличились на 85%, в Кировоградской области — на 61,7%, в Ривненской — на 55%, в Одесской — на 49%, в Крыму — на 44% [8].

Спикер ВР Украины В.Литвин отмечал: “Вызывают недоверие (а у простых людей негодование) хорошо написанные и озвученные, но насковзь декларативные программы развития села или выставки его достижений. ... Ни для кого не секрет, что за административными пределами будь то столицы или областного центра все “достижения” видны, как на ладони: обшарпанные села, разбитые дороги, разрушенные детсады и медицинские амбулатории, заброшенные учреждения культуры и образования и т.п.” [9].

Председатель Комитета Верховной Рады Украины по вопросам аграрной политики и земельных отношений И.Томич отмечал: “Нужно откровенно сказать: никакой поддержки украинского фермера нет, нет и равных условий хозяйствования, ведь если с КСП были списаны долговые обязательства за 1999–2002 годы в объеме почти 7 млрд грн и реструктуризированы более 1,6 млрд грн, то фермерским хозяйствам практически ничего”. И далее: “...глубокий кризис активизировал масштабный отток сельского населения не только в города, но и за границу. Причем выезжает преимущественно молодежь, являющаяся социальным, экономическим и духовным фундаментом села” [10]. Это мнение ярко подтверждают и результаты нашего опроса крестьян (табл. 2).

Что касается занятости на селе, то из 7,8 млн трудоспособных жителей села в агроформированиях заняты всего 3,3 млн, остальные — безработные и работают в личных приусадебных хозяйствах (соответственно 1,6 и 1,9 млн человек). Люди лишены возможности получать хотя бы минимальный доход [10]. Ситуация в сфере занятости сельской молодежи все больше обостряется, наблюдается тенденция к росту безработицы. Так, только в течение 2002–2003 годов уровень зарегистрированной безработицы возрос с 5,7% до 6,8%. Подобная тенденция сохраняется до сих пор [11].

Таблица 2

**Региональное распределение ответов крестьян на вопрос:
“Остается ли молодежь работать и жить в Вашем селе?”, %**

<i>Варианты ответов</i>	В целом по массиву, N = 1322	Юг–Восток, N = 342	Центр, N = 328	Север, N = 327	Запад, N = 325
Остается почти вся	1,4	1,0	0,5	1,4	4,2
Большинство остается	3,8	4,0	2,9	3,7	5,2
Остается примерно половина	14,0	14,1	17,8	6,7	16,9
Большинство выезжают	47,2	57,3	42,3	36,7	52,1
Почти все выезжают	29,5	23,4	30,8	45,1	16,9
Без ответа	4,1	0,2	5,7	6,4	4,7

Что касается продажи земли, то украинское село в целом к этому не готово, констатировал И.Томич в 2004 году. Всякий бизнес, в том числе и продажа земли, имеет смысл лишь при наличии прибыли. Кто сегодня может иметь прибыль с сельхозпроизводства, если 70% этих предприятий убыточны? Разве может существовать платежеспособный спрос на землю, если более половины сельских жителей получают мизерные пенсии? Вопросы эти риторические. Ответы на них понятны. Землю сегодня могут купить только олигархи. По нашим подсчетам, в течение года они в состоянии завладеть 30% сельскохозяйственных угодий страны. Заниматься таким рискованным и малоприбыльным бизнесом, как сельхозпроизводство, они вряд ли будут. Начнут землей спекулировать. А это — прямая угроза продовольственной безопасности страны” [12].

Таблица 3

Отношение населения Украины к купле-продаже земли, %

<i>Варианты ответов</i>	2004	2005	2006
Считаю, что землю следует продавать/покупать	18,1*	24,8*	22,0
Считаю, что землю не следует продавать/покупать	55,2	56,4*	60,5*
Трудно сказать	26,7	18,7	17,5

* Различия значимы на уровне 0,05.

Таблица 4

Отношение к купле-продаже земли в зависимости от типа поселения, %

Тип поселения	Следует продавать/покупать			Не следует продавать/покупать			Трудно сказать		
	2004	2005	2006	2004	2005	2006	2004	2005	2006
Город	18,6*	28,1*	28,4	51,8	51,8*	56,7*	29,6*	20,0*	18,5
Село	17,0	17,9	18,5	62,2*	66,0*	66,3	20,8*	16,1*	15,2

* Различия значимы на уровне 0,05.

По данным ежегодного исследования Института социологии НАН Украины¹ (табл. 3), в целом население Украины в основном негативно относится к купле-продаже земли, и этот негативизм в последние годы усиливается. В какой-то степени эта тенденция просматривается и в случае распределения по типу поселения (табл. 4). Правда, наблюдается увеличение количества горожан, позитивно относящихся к этому процессу; это, на наш взгляд, происходит за счет уменьшения доли тех, кому трудно определиться с однозначным ответом.

Кроме того, смена в Украине десяти правительств всего за 12–14 лет сопровождалась сменой премьеров, руководителей Минагросельпрода, а позже Минагрополитики, а также вице-министров по аграрным вопросам, и они не успевали ни составлять, ни выполнять новые программы для АПК.

Так, тогдашний министр агрополитики С.Рыжук, под руководством которого МинАПК разработало комплексную программу преодоления кризиса в аграрном секторе экономики, констатировал: “2000 год был для аграриев Украины и успешным, и проблемным, и сложным”. Крестьяне вырастили и собрали высокий урожай хлебных культур, закрепив нашу страну в пятерке крупнейших производителей зерна в мире.

Прирост валового продукта составлял 3%, прирост пищевой промышленности и переработки — 6%. Уровень рентабельности предприятий достиг 5,3%. Однако почти половина хозяйств завершили 2002 год с убытками. А главное — украинский крестьянин не почувствовал себя более состоятельным. “Меня как министра, — признал Рыжук, — особенно беспокоит то, что увеличение — причем третий год подряд — валовых показателей сопровождается все большими экономическими потерями для крестьян. Это противоестественно в рамках рыночной экономики, и, разумеется, государство должно позаботиться о том, чтобы сельское хозяйство в целом и каждое предприятие в частности работали рентабельно, прибыльно...” [13, с. 48].

И.Барановский, министр аграрной политики в правительстве Ю.Тимошенко и Ю.Еханурова, отвечая на вопрос корреспондента “Сільських вістей”, каким формам хозяйствования на селе Министерство агрополитики отдает предпочтение, сказал: “Многочисленные публикации вашей газеты, исследования ученых доказали, что упомянутые формы работали на разрушение села. Ведь крестьяне, сдавая землю и имущество в аренду, теряли контроль над ними, а арендаторы не отвечали за их сохранение и эффективное использование. В результате крестьянское имущество на миллиарды гривен уничтожено и разворовано, миллионы гектаров земли истощены. Сейчас обанкротившиеся хозяйства переходят в подчинение крупного капитала, то есть идет процесс латифундизации” И подытожил: “Латифундии, которые пришли в село, чтобы выжать из него все соки, будущего не имеют” [14].

А.Кинах, первый вице-премьер в правительстве Ю.Тимошенко, констатировал: “Вспомним начало последнего десятилетия прошлого века и дискуссии, развернувшиеся вокруг будущего Украины, с точки зрения прекрасных стартовых возможностей нашей независимости. К сожалению, за

¹ Ежегодное исследование “Украинское общество: мониторинг социальных изменений” ИС НАН Украины (генеральный директор проекта — В.Ворона, научный руководитель проекта — Н.Панина; общенациональный репрезентативный опрос, N = 1800, февраль 2004-го, март 2005-го, апрель 2006 года).

этот период мы утратили не только динамику нашего развития, мы утратили качество этого развития. ... Госбюджеты каждой из бывших прибалтийских республик уже приближаются по объемам к украинскому бюджету при нескольких миллионах населения в государствах. Или Польша, имеющая в пять раз выше нашего национальный валовой продукт. То есть произошла вот такие разрывы за весьма короткий исторический промежуток” [15].

Как видим, о провале агрореформы говорят сами ее непосредственные руководители, исполнители, представители бизнес-структур. Это обусловлено отсутствием многих законодательных и нормативных актов, промедлением в формировании государственных органов, которые должны управлять процессами реформы в центре и на местах, неудовлетворительным материально-техническим и финансовым обеспечением. Реформа тормозится из-за нехватки опыта проведения таких масштабных работ, а также из-за отсутствия квалифицированных специалистов, особенно в советах народных депутатов местного уровня. Приступая к реформированию, никто не спрашивал ни руководителей на местах, ни самих крестьян о том, как лучше проводить преобразования. Поэтому и имеем ныне ситуацию, которую все определяют как сложную, со множеством неразрешенных вопросов в сферах производственных, имущественных и земельных отношений, не говоря уже о нравственно-психологической стороне дела. Большинство крестьян не готовы к тому, что происходит, не воспринимают новаций. Так, результаты нашего опроса фермеров ($N = 380$) показывают, что в целом они негативно оценивают ход и общий результат реформ в сельском хозяйстве Украины (38,5%). Тех, кто относился к этому позитивно, оказалось втрое меньше (13,8%), при этом почти треть воздержались от однозначного ответа (29,5%), а 16,5% вообще не брались оценивать реформы.

По-видимому, на характер оценок реформирований фермерами скорее повлиял другой фактор: соответствие — несоответствие последних их интересам. Это подтверждают ответы на вопрос “Соответствуют ли агрореформы интересам фермеров”:

Да, полностью соответствую	2,4%
Не совсем соответствую	59,4%
Трудно сказать, соответствую или нет	20,0%
Совсем не соответствую	11,7%
Не знаю	4,6%
Без ответа	1,9%

Попытка исследователей вывести фермеров (среди которых немало специалистов сельского хозяйства) за пределы узко прагматической позиции в оценке агрореформы, посмотреть на нее с более широкой перспективы показала, что в плоскости такой оценки они весьма осторожны. В анкете спрашивалось, в правильном или неправильном историческом направлении в целом идет аграрная реформа в Украине. Выяснилось, что только каждый десятый фермер в Украине (10,5%) считает, что реформы идут в правильном историческом направлении; 44,7% в целом не смогли определиться с оценкой; каждый четвертый (25,5%) признал, что реформы идут в неправильном направлении, а 18,7% вообще не ответили на этот вопрос. Таким образом, большинство фермеров не смогли уверенно сказать, в каком именно историческом направлении идут реформы. Очевидно, это направление достоверно им неизвестно, собственно потому, что однозначно не определи-

ли его и сами реформаторы. В итоге на основании этого распределения можно говорить, что для большинства опрошенных (63,4%) историческое направление аграрной реформы и сама она остаются непонятными.

Более информативным оказался вопрос, поставленный в контрастной форме (табл. 5). В пяти из семи парных вопросов преимущество в оценках оказалось на стороне негативных характеристик аграрной реформы. Так, к негативу, согласно опросу, относится то, что реформы приводят к развалу сельхозпроизводства; означают исторический обман крестьянства со стороны властей, поскольку земля перейдет в руки богатых; обуславливают упадок села; вызывают падение жизненного уровня и культуры крестьян; разрушают сельскую общину, расслаивая ее на бедных и богатых. А в тех парно-противоположных ответах, где преобладали позитивные оценки, подчеркивалось: реформы расширяют свободу выбора формы хозяйствования со стороны сельхозпроизводителей, и это является большим успехом реформаторов.

Таблица 5

Распределение ответов крестьян и фермеров на вопрос: “Если конкретизировать Вашу оценку реформ на селе, то что, в частности, Вы отметили бы в этих реформах?” (Возможны несколько вариантов ответа), %

Оценки	Крестьяне, N = 1322	Фермеры, N = 380
Реформы — это большой успех реформаторов	5,7	4,6
Реформы — это большая неудача реформаторов	15,2	16,0
Они способствуют развитию сельхозпроизводства	12,6	15,2
Они приводят к развалу сельхозпроизводства	30,3	19,0
Означают историческую услугу власти крестьянству (оно получило землю)	5,1	11,9
Означают исторический обман властью крестьянства (земля поплывет в руки богачей)	27,1	23,6
Обуславливают расцвет села	8,0	3,8
Обуславливают упадок села	29,9	23,9
Обеспечивают подъем жизненного уровня и культуры крестьян	14,2	9,2
Вызывают падение жизненного уровня и культуры крестьян	17,7	12,8
Расширяют свободу выбора формы хозяйствования сельхозпроизводителем	8,7	22,2
Сужают свободу выбора формы хозяйствования сельхозпроизводителем, поскольку не обеспечивают его техникой и создают безработицу на селе	13,6	16,0
Реформы укрепляют сельскую общину, улучшая взаимоотношения между людьми	2,6	4,9
Реформы разрушают сельскую общину, расслаивая ее на бедных и богатых	23,3	16,8
Другое	3,6	3,3

Нельзя не заметить, что негативные оценки реформы фермеры фокусируют преимущественно на ее социальных аспектах и последствиях, кроме того, в большинстве парных вопросов негативная оценка перевешивает позитивную.

По данным нашего опроса крестьян ($N = 1322$), негативные последствия проведения реформы наблюдает чуть ли не каждый третий гражданин Украины, живущий в сельской местности (30%); почти каждый четвертый сельский житель считает, что реформы разрушают сельскую общину, способствуют социальному расслоению на селе (23%), падению жизненного уровня и культуры сельского населения (18%), смертность среди которого опережает рождаемость (такого мнения придерживается 83% опрошенных крестьян), поскольку молодежь в селе, которое на их глазах приходит в упадок, не задерживается и стремится как можно быстрее уехать из родного дома (таких оказалось 77% по всей стране и меньше всего — в западном регионе (69%); соответственно, в этом регионе молодежь чаще, чем в других регионах, остается дома — 9%) (см. табл. 2).

Отношение к агрореформе рядовых крестьян не слишком отличается от отношения фермеров, разве что крестьяне более эмоциональны в своих оценках. То, что реформы ведут к развалу сельхозпроизводства, отметили 30% крестьян и 19% фермеров, а то, что они разрушают сельскую общину, поскольку расслаивают ее на бедных и богатых, — 23% крестьян и 17% фермеров.

Интересным, по нашему мнению, является региональный срез оценки реформ крестьянами (табл. 6).

Таблица 6

Региональное распределение оценок крестьянами реформы на селе
(возможны несколько вариантов ответов), %

Оценки	Юг–Восток	Центр	Север	Запад
Реформы — это большой успех реформаторов	8,0	4,6	5,1	4,2
Реформы — это большая неудача реформаторов	17,8	15,2	19,2	5,2
Они способствуют развитию сельхозпроизводства	10,8	11,9	12,5	16,9
Они приводят к развалу сельхозпроизводства	33,4	24,4	33,3	31,5
Означают историческую услугу власти крестьянству (оно получило землю)	6,3	2,9	5,4	6,6
Означают исторический обман властью крестьянства (земля поплывет в руки богатых)	33,7	24,7	24,6	22,5
Обуславливают расцвет села	6,3	9,5	7,7	8,9
Обуславливают упадок села	31,4	32,7	33,7	16,4
Обеспечивают подъем жизненного уровня и культуры крестьян	3,5	2,4	5,4	7,0
Ведут к падению жизненного уровня и культуры крестьян	21,1	13,7	21,9	13,1
Расширяют свободу выбора формы хозяйствования сельхозпроизводителем	11,3	6,6	9,4	7,0
Сужают свободу выбора формы хозяйствования сельхозпроизводителем, поскольку не обеспечивают его техникой и создают безработицу на селе	20,6	7,1	13,5	12,7
Реформы укрепляют сельскую общину, улучшая взаимоотношения между людьми	2,8	1,5	3,4	3,3
Реформы разрушают сельскую общину, расслаивая ее на бедных и богатых	27,1	22,9	18,2	23,5

Анализ показывает, что сельские жители западного региона более оптимистично настроены в оценке некоторых последствий аграрной реформы по сравнению с жителями юго-восточных, центральных или северных сел Украины: например, именно на Западе оказалось больше всего тех, кто считает, что реформы способствуют развитию сельхозпроизводства (17% против 11%, 12% и 12,5% соответственно), подъему жизненного уровня и культуры крестьян (7% против 3% и 2%) (на уровне 0,05).

В целом мы наблюдаем, что реформирование аграрной сферы происходит нерациональным, а то и варварским образом (сначала разрушить, а потом строить — из обломков и на обломках). Потому-то и отличается эта реформа крайне высокой экономической и социальной ценой, особенно в отношении крестьян (безработица, невыплаты зарплаты, бедность, обнищание, вымирание села как такового). Крестьянство вроде бы и получило в собственность землю, реформа якобы и проведена в его интересах, а на самом деле крестьяне так и не получили надежных государственных гарантий полноценного землевладельца, без которых они вступили в рынок земли, как оказалось, не в свою пользу. Переломив коллективистский способ хозяйствования и заинтересовав крестьян, специалистов и руководителей коллективных хозяйств собственностью на землю и идеей самостоятельного хозяйствования, реформы, казалось бы, заложили устои нового, более эффективного способа производства на частнособственническом фундаменте, но в реальности оказалось все наоборот. Кроме того, полученные ответы крестьян с очевидностью подтвердили, что они очень критично оценивают реформу и ее результаты с позиции собственных интересов и в целом не одобряют ее реализованную концепцию.

То есть можно сказать, что большинство населения Украины склоняется к мнению о том, что землю вообще не следовало передавать в частную собственность (таких взглядов придерживается 53,4% населения), хотя с идеей вернуть ее в собственность государства согласился только каждый пятый гражданин страны (21%) (табл. 7, 8)¹.

Таблица 7

Распределение ответов жителей различных типов населенных пунктов на вопрос: “Следовало ли передавать землю в частную собственность?”, %

Варианты ответов	В целом по массиву, N = 1800	Киев, N = 97	Город с населением более 250 тыс. человек, N = 573	Небольшой город, N = 540	Село, N = 590
Нет	38,6	36,1	40,4	36,2	39,6
Скорее нет	14,8	13,4	14,2	16,2	14,4
Трудно сказать	22,3	24,7	22,4	21,7	22,4
Скорее да	15,5	16,5	14,3	16,9	15,3
Да	8,7	9,3	8,7	8,9	8,3

¹ В таблицах 7 и 8 представлены данные опроса населения Украины (“Общественное мнение в Украине–2006”, N = 1800), проведенного в 2006 году ИС НАНУ совместно с Центром социальных и политических исследований. “СОЦИС” (разница различий незначима на уровне 0,05).

Анализ распределения ответов в зависимости от типа поселения показывает, что против передачи земли в частную собственность в равной мере выступают как жители городов, так и сельские жители. Однако точно так же большинство граждан Украины, независимо от типа поселения, высказались против возврата полученной земли государству (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов жителей различных типов населенных пунктов на вопрос: “Считаете ли Вы целесообразным вернуть землю в собственность государства?”, %

Варианты ответов	В целом по массиву, N = 1800	Киев, N = 97	Город с населением более 250 тыс. человек, N = 573	Небольшой город, N = 540	Село, N = 590
Нет	34,9	29,9	36,2	32,7	36,7
Скорее нет	16,5	10,3	15,7	17,4	17,3
Трудно сказать	27,6	29,9	29,0	26,0	27,3
Скорее да	11,9	19,6	9,6	14,5	10,5
Да	9,1	10,3	9,4	9,5	8,1

Украинские крестьяне в основном признаются, что они так и не получили никакой выгоды от проведенных реформ (так считают 46% опрошенных; тогда как почти четверть (24%) отметили баланс позитива и негатива от реформ, и только каждый десятый крестьянин признал, что он удовлетворен проведенными реформами, получил выгоду от них, равно как и удовлетворен условиями своего труда и жизнедеятельности в селе) (см. табл. 9, 10).

Таблица 9

Региональное распределение ответов крестьян на вопрос: “Получили ли лично Вы выгоду для себя от реформ на селе?”, %

Варианты ответов	В целом по массиву, N = 1322	Юг–Восток, N = 342	Центр, N = 328	Север, N = 327	Запад, N = 325
Конечно, выгоду имею	9,3	10,5	7,6	10,4	8,9
Насколько имею, настолько и нет	23,8	31,2	21,7	17,8	22,1
Никакой выгоды не имею	45,7	40,2	50,4	48,1	42,7
Трудно сказать, имею или не имею	15,9	15,5	13,5	21,2	15,0
Без ответа	5,3	2,8	6,8	2,4	11,3

Большинство крестьян недовольны условиями труда и жизнедеятельности в селе (51%) — по всей Украине полностью удовлетворен только каждый десятый сельский житель (большинство из которых проживают на Севере и лишь 4% на Западе страны (табл. 10)) — и считает пореформенное село разоренным, а себя — обманутыми (табл. 11).

Таблица 10

**Уровень удовлетворенности крестьян
условиями труда и жизнедеятельности в селе, %**

<i>Уровень удовлетворенности</i>	В целом по массиву, N = 1322	Юг–Восток, N = 342	Центр, N = 328	Север, N = 327	Запад, N = 325
Полностью удовлетворен	10,8	5,3	10,0	23,9	4,2
Скорее удовлетворен	14,5	14,8	14,9	12,8	15,5
Трудно сказать, удовлетворен или нет	21,7	26,6	17,4	15,1	30,5
Скорее неудовлетворен	30,8	33,9	27,6	29,3	32,9
Неудовлетворен	20,6	18,3	27,6	17,5	15,5
Без ответа	1,6	1,0	2,4	1,3	1,4

Таблица 11

**Распределение ответов крестьян на вопрос:
“Каким, на Ваш взгляд, стало пореформенное украинское село?”, %**

<i>Варианты ответов</i>	В целом по массиву, N = 1322	Юг–Восток, N = 342	Центр, N = 328	Север, N = 327	Запад, N = 325
Окрепшим	4,8	3,0	6,6	3,0	7,5
Улучшенным	7,3	6,3	6,8	7,7	9,4
Перспективным	9,4	10,8	12,2	6,4	5,6
Помолодевшим	2,9	3,8	1,2	3,7	3,3
Защищенным	2,9	4,3	1,5	1,7	5,2
Разбогатевшим	2,2	2,3	1,2	1,3	4,7
Ослабленным	29,4	37,2	24,7	29,6	22,5
Разоренным	38,6	37,9	41,3	41,1	30,9
Обманутым	31,9	33,7	32,0	33,0	27,2
Незащищенным	30,9	31,9	23,7	36,0	35,7
Состарившимся	17,5	19,1	17,6	21,5	8,5
Обедневшим	32,4	36,7	31,0	34,0	24,9
Исчезающим	23,5	23,1	24,7	25,9	17,4

Крестьяне констатируют, что проведенные реформы разрушили нынешнее село, а это означает, что оно стало ослабленным, обедневшим, социально незащищенным и в целом близко к исчезновению (табл. 11).

На фоне указанного общую атмосферу на селе крестьяне точно так же определяют без излишнего оптимизма, и даже как негативно окрашенную (табл. 12). Среди предложенных вариантов ответов преобладает определение атмосферы как напряженной, причем больше других так тревожно настроены жители Юго-Востока, тогда как на Западе страны такого мнения придерживается только каждый двадцатый житель региона.

Таблица 12

**Оценка крестьянами различных регионов Украины общей атмосферы
современного села, %**

Варианты ответов	В целом по массиву, N = 1322	Юг-Восток, N = 342	Центр, N = 328	Север, N = 327	Запад, N = 325
Приподнятая, с трудовым энтузиазмом	1,6	2,3	1,5	1,3	0,9
Оптимистично окрашенная	3,6	3,0	3,4	3,4	5,6
Спокойная, деловая	9,5	7,5	10,0	12,8	7,9
Подавленная, с устойчивым пессимизмом	12,6	9,5	12,5	16,5	13,6
Ситуация общего раздражения	9,7	10,5	7,3	13,1	7,5
Напряженная	17,1	22,9	18,3	16,2	4,7
Конфликтная	4,2	7,0	3,4	1,7	3,7
Четко не определена	14,6	17,6	12,9	13,8	13,6
Безысходность, тупик	10,1	11,3	10,5	8,7	8,9
Трудно сказать	15,5	7,8	18,1	10,1	32,4
Без ответа	1,4	0,5	1,9	2,4	0,9

В оценках общей атмосферы села, сложившейся в результате реформирований, мы не наблюдаем резких скачков. Позитивные оценки постепенно переходят в негативные, не достигая слишком высоких относительных показателей. И все же нарастание негативных оценок свидетельствует о ненормальном, подавленном внутреннем климате послереформенного села. Следует заметить также, что, с одной стороны, общая атмосфера села не является откровенно конфликтной, а с другой — не выглядит приподнятой и оптимистичной. Она скорее напряженная, четко не определена, подавленная и пессимистическая.

Следовательно, большинство крестьян недовольны реформами, поскольку так и не получили от них никакой выгоды; преобразования имеют для них несправедливый характер; собственниками земли крестьяне стали скорее виртуальными, нежели реальными; реформы идут в неизвестном направлении, и к чему они приведут — тоже неизвестно; село от реформ не то что не выиграло, а даже проиграло; стало распространенным мнение, что колхозно-совхозную систему не следовало разрушать, нужно было ее сохранить, но о том, что именно и как реформировать, никто у крестьян не спрашивал. Все эти далеко не одобрительные оценки очень ценны для диагностирования как реформы, так и деятельности реформаторов. Все оценки свидетельствуют об отклонении аграрной реформы от ее “идеального типа” и о том, что реформаторы проводят ее со значительными социотехнологическими и социоинженерными нарушениями.

Состояние украинского сельского хозяйства сегодня крайне бедственное. Оно находится в стадии коренной ломки общественных отношений и представляет собой технологически отсталую отрасль, которая не в состоянии успешно конкурировать в рыночных условиях. Сельская экономика втянута в водоворот поспешных и не всегда осмысленных преобразований.

Радикальные реформы были направлены не на рациональное использование производственного потенциала, а на то, чтобы кардинально изменить устои сельской жизни, перестроив ее по чуждым образцам. При этом не учитывались различия в состоянии продуктивных сил, особая роль наших сельхозпредприятий в организации сельской жизни, специфика национальной ментальности, исторический опыт народа и т.п. Более чем тревожная ситуация заставляет критически оценивать аграрную политику и искать неотложные меры общегосударственного масштаба.

Сельскохозяйственные предприятия из года в год не покрывают своих затрат поступлениями от реализации продукции. Никакая другая отрасль в нынешних обстоятельствах не смогла бы продолжать свою деятельность, имея такой дисбаланс в результатах. Однако сельские труженики не могут не выполнять текущих полевых работ, не могут отказаться от ухода за скотом, хотя продолжение производства сопровождается потерями принадлежащего им имущества, а работать приходится за мизерную плату. Поставленные в неравные условия, крестьяне фактически вынуждены дотировать другие отрасли экономики, социальную инфраструктуру. Диспаритет в межотраслевых отношениях признается всеми, однако многолетние разговоры на эту тему не заканчиваются никакими практическими выводами.

Ведущие ученые украинской Академии аграрных наук и Национальной академии наук Украины тоже признают, что в аграрном секторе экономики Украины за годы реформирования произошли кардинальные изменения, а результаты преобразований не такие, каких ожидали. Сократились объемы производства сельскохозяйственной продукции и ее переработки. Из-за массовой безработицы, низких зарплат и пенсий, роста цен уменьшилось потребление населением мясо-молочных продуктов. Это, безусловно, отрицательно сказывается на здоровье людей, особенно детей.

С перемещением части производства молока и мяса из крупных сельскохозяйственных предприятий в мелкие личные крестьянские хозяйства возникли проблемы с качеством продуктов переработки мяса, расширением сырьевых зон, увеличением транспортных расходов. Соответственно снизилась конкурентоспособность такой продукции на внутренних и внешних рынках. Вместе с тем пока мизерными остаются надежды на крупные хозяйства, ведь 90% их имеют очень низкую производительность. Чтобы достичь конкурентного уровня и прибыльности, им нужно повысить производительность в 2–4 раза. Эта проблема становится особо актуальной в связи со стремлением Украины вступить в ВТО. Дело в том, что квота этой организации на экспорт мясной продукции предоставляется государству от достигнутого уровня переработки за последние 5–7 лет. Поэтому можно представить размер этой квоты, если в Украине этот уровень уменьшился почти втрое по сравнению с 1990 годом. В этих условиях страны ЕС уже сегодня вытесняют Украину с крупных рынков России, экспортируя дешевую мясную продукцию значительно более широкого ассортимента [16].

Агрореформа не дала непосредственного толчка развитию АПК, не стала определяющим фактором этого развития. Наоборот, она загнала АПК и украинское село в тупик. Оказалось, что многие даже новообразованные хозяйства демонстрируют не развитие, а регрессивную убыточность, едва сводя концы с концами, их материальная база не соответствует требованиям рыночной экономики, заработная плата в АПК одна из самых низких, да и ту

выплачивают с задержками, бюджетные дотации аграриям доходят не до всех производственных структур — 75% государственной поддержки попадает в руки всего 6% товаропроизводителей [17]. Как следует из содержания и сути Закона “Об основах государственной аграрной политики на период до 2015 года”, после такой сокрушительной реформы государству следует прибегнуть к исправлению деградативного курса преобразований и позаботиться о развитии АПК.

Несоблюдение законов и отсутствие четких механизмов государственной поддержки сельского хозяйства, рост цен на топливно-смазочные материалы, сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения, средства защиты растений и другие материалы привели к значительному увеличению себестоимости сельскохозяйственной продукции и убыточности производства сельскохозяйственных культур, а также практически к уничтожению животноводства. При этом приходится отметить низкую платежеспособность сельского населения и возрастание задолженности по заработной плате для этой категории населения [18].

В итоге пореформенный кризис в сельском хозяйстве Украины признан официально, признаны его тяжкие последствия. Однако встает вопрос, что это за реформа, которая не только не вывела из кризиса реформируемый объект, а повергла его в еще более глубокий кризис, создав механизмы возрастания себестоимости сельскохозяйственной продукции и убыточности ее производства, деформированного межотраслевого обмена, прямого обдирания крестьян? Выходит, что либо реформа технологически неправильна, неудачна, или же она — настоящая авантюра, подорвавшая производительный и репродуктивный потенциал села.

Анализ официальных статистических данных, отражающих общий результат аграрной реформы, как и опросы рядовых крестьян и фермеров, подтверждает, что реформа носит чрезвычайно разрушительный характер, что свидетельствует об авантюрном способе ее проведения. АПК и село она не подняла, а опустила значительно ниже показателей ликвидированной ею системы сельхозпроизводства, углубив кризис; поставила под вопрос не только развитие, а само существование села и крестьянства; разрушила привычный для крестьянства способ жизнедеятельности и не дала ему гарантий превращения в реального собственника земли. Она развалила производственный потенциал АПК и инфраструктуру села, накопив огромный массив проблем, требующих немедленного практического решения; и сейчас нужны дополнительные усилия государства, чтобы исправить эти последствия реформы, вывести село и АПК из тупика, дать им новые импульсы для развития, и в этом смысле она остается незавершенной.

Реформаторы проявили себя несамостоятельными и социоинженерно неграмотными технологами, способными действовать и думать только по заимствованным образцам, стереотипам и чужим советам: они взялись перемоделировать стабильную аграрную систему, преувеличив ее негативные, несовершенные стороны и применив деструктивный способ преобразований, разрушающий весь объект реформирований, из-за чего реформа потребовала неимоверно высокой социально-экономической цены, повысила уровень эксплуатации села городом, бизнесом, промышленностью; поставила украинских крестьян перед фактом неопределенности своего будущего и страха за завтрашний день, приобрела насильственный, обманчивый

характер по отношению к селу и крестьянству, способствуя не только *подрыву* продуктивного потенциала, но и *развалу* села и *разорению* крестьянства как класса.

Литература

1. Аграрна реформа в Україні (соціологічна діагностика). — К., 1998.
2. Як селянам далі господарювати. Доповідь Прем'єр-міністра України Є.Марчука на Всеукраїнській нараді з питань агропромислової політики 26 грудня 1995 року // Сільські вісті. — 1995.— № 154. — 28 грудня.
3. Закон України “Про внесення змін і доповнень до Закону Української РСР “Про пріоритетність соціального розвитку села та агропромислового комплексу в народному господарстві України” // Голос України. — 1992. — № 109. — 12 червня.
4. Соціальні проблеми реорганізації колективних сільськогосподарських підприємств (соціальний моніторинг) / Гончарук О.С., Марусов А.Ю., Осташко Т.О. — К., 2000.
5. Відповідальність перед Україною. Доповідь Президента України Л.Д.Кучми на урочистих зборах з нагоди першої річниці прийняття Конституції України 27 червня 1997 року // Урядовий кур'єр. — 1997. — № 118–119. — 9 липня.
6. Заради інтересів людини, суспільства, держави. Виступ Президента України Л.Д.Кучми на засіданні Національної Ради з узгодження діяльності загальнодержавних і регіональних органів та місцевого самоврядування 27 грудня 2000 року // Президентський вісник. — 2001. — № 1(27). — 6 січня.
7. Кучма Л.Д. Україна: підсумки соціально-економічного розвитку та погляд у майбутнє // Україна на порозі ХХІ століття: уроки реформ та стратегії розвитку: Матеріали наукової конференції. — К., 2001.
8. Борги як соціальна традиція // Голос України. — 2005. — № 207. — 2 листопада.
9. Гідно розпорядитися промисловим і аграрним потенціалом. Виступ Голови ВР України В.Литвина на урочистих зборах, присвячених 60-річчю утворення Херсонської області // Голос України. — 2004. — № 64. — 6 квітня.
10. Звіт про роботу Ради АФЗУ за звітний період з 24 січня 2001 по 27 лютого 2004 року. Доповідач — президент АФЗУ І.Ф.Томич // Фермер України. — 2004. — № 4 (85). — 10 лютого.
11. Сільська молодь України: стан, проблеми та шляхи їх вирішення. Щорічна доповідь Президентів України, Верховній Раді України, Кабінету Міністрів України про становище молоді в Україні (за підсумками 2003 р.). — К., 2004.
12. Томич І. Торговать землей еще рано (Беседа с В.Новицким) // Вечерние вести. — 2004. — № 155. — 15–21 октября.
13. Рижук С. Село має стати заможнішим // Урядовий кур'єр. — 2003. — № 2. — 4 січня.
14. Як селу вийти з біди. Розмова з міністром аграрної політики О.П.Баранівським (записав О.Карпенко) // Урядовий кур'єр. — 2005. — № 55. — 13 травня.
15. Кінах А. “Треба вміти говорити правду” (Розмова з О.Черевком) // Урядовий кур'єр. — 2005. — № 60. — 26 травня.
16. Галушко В., Личук М., Кваша С. Для вигоди селянину й державі // Сільські вісті. — 2005. — № 81. — 14 липня.
17. Гудзенко Н. Станет ли 2006-й “годом села”? // День. — 2005. — № 235. — 20 декабря.
18. Постанова Верховної Ради України. Про інформацію Кабінету Міністрів України про стан справ в агропромисловому комплексі України // Голос України. — 2005. — № 191. — 11 жовтня.